

АЛЕН МОНЕСТЬЕ

**ЛЕГЕНДАРНЫЕ
МИЛЛИАРДЕРЫ**

Ален Монестье

Легендарные миллиардеры

«Алисторус»

1991

Монестье А.

Легендарные миллиардеры / А. Монестье — «Алисторус», 1991

ISBN 5-7331-0072-9

Данная книга не содержит рецепта того, как стать миллиардером, более того истории, рассказанные автором, могут в некотором смысле смутить честолюбивых охотников за богатством. Несмотря на некоторую ироничность и шутливость формы изложения некоторых глав книги, ее тема весьма и весьма серьезна. Деньги никогда не давались просто никому. При этом объектом внимания может служить не просто путь, по которому приходится пройти, чтобы получить желанное богатство, но и сам факт обладания им. Как утверждает автор, определить, что проще, порой весьма затруднительно. Миллиардеры современности находятся под постоянным наблюдением со стороны средств массовой информации, им приходится играть определенную роль, дабы не стать объектом классовой ненависти со стороны людей, не получивших и тысячной доли от того, что есть у них. В различное время общество по-разному относилось к тому, что некоторые его члены могли позволить себе роскошества, выходящие за рамки здравого смысла большинства людей. Книга содержит историю людей-миллиардеров, а также целых семейств, обладавших значительными богатствами. Автор проследит эволюцию взглядов на богатство со времен легендарного богача Креза, до современных арабских нефтяных миллиардеров. Знакомство с историей легендарных состояний позволит читателю не только проследить пути, которыми происходило их накопление, но и оценить последствия, которые неотделимы от обладания значительным богатством.

ISBN 5-7331-0072-9

© Монестье А., 1991

© Алисторус, 1991

Содержание

Введение	7
Быть богатым стыдно	8
Парадоксы богатства	9
Насильственное амплуа	10
Портретная галерея	11
Мифические личности	12
Выше норм и законов	13
Излишества ради излишества	15
Набоб в свете изменений национального характера и привычек	16
Три типичных портрета	18
Постоянное место в социальной иерархии	19
Анафема деньгам	20
Плата за миллионы	21
Богатство в старину	22
Крез	22
Жак Кёр	25
Медичи	33
Фуггеры	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ален Монестье

Легендарные миллиардеры

Перевод:

Д. В. Соловьев (*Введение, Богатство в старину, Европа: хорошие дела, хороший навар*);

Л. М. Цывьян (*Америка, родина миллиардеров*);

Н. М. Фарфель (*Буровые вышки Али-Бабы, Богачи-сумасброды*)

Введение

Если бы в этой книге содержался некий секрет того, как сделаться миллиардером, автор уже давно стал бы им, и у него не было бы никакой надобности писать ее. Вместо этого он, конечно, воспользовался бы всеми благами беззаботного существования и предался своим любимым занятиям, ничуть не заботясь о доходах с авторских прав. Ну а те читатели, которые приобрели этот труд, надеясь найти в нем ключ к богатству, что ж, это их дело: прочтя его, они ничуть не обогатятся и лишь пожалеют о потраченных на книгу деньгах. Хотя название ее и подчас шутливая форма повествования и могут ввести в заблуждение, на самом деле, содержание книги чрезвычайно серьезно.

Говорится в ней об одном из самых живучих мифов нашего времени, который получил широчайшее распространение, им ежедневно полнятся страницы массовой прессы, он питает гедонистическими мечтаниями воображение наших современников. В нынешнем низменно материалистическом веке рулетка и баккара, яхты и реактивные самолеты пришли на смену чудесам прошлого, таким как магараджи, с которых буквально сыпались золото и алмазы Голконды. Как ни удивительно, но эти новые чудеса все еще завораживают массы людей, несмотря на то что общество пропитано идеями равенства, а на деньгах, хоть они и служат предметом настоящего поклонения, вот уже две тысячи лет как лежит проклятие.

И христианская, и социалистическая традиции наложили на Мамонну нравственный запрет, который благодаря множеству пословиц, народных сказок и лубочных картинок пропитал все наше сознание. Для нас, несмотря на некоторое влияние протестантского меркантилизма и либеральных идей, деньги продолжают оставаться чем-то более или менее постыдным, и мы радуемся отсутствию у них запаха, подразумевая, что иначе он был бы отвратителен. С полным основанием их считают вредными для спасения души, главной причиной развращения нравов и порабощения человека человеком. «Доброе имя дороже золота», «не в деньгах счастье» – огромное число подобных поговорок буквально пропитывает всю нашу культуру. Оставаясь ужасающе притягательным для современного человека, золото порождает двойственные чувства: желание обогатиться даже самыми честными способами не всегда освобождает от укусов совести. Оно всегда хоть в малой степени, но скрывается под маской притворного бескорыстия. При всем материализме нашего времени в разговоре деньги остаются предметом табу, о котором люди хорошо воспитанные должны говорить с приличествующей сдержанностью.

Быть богатым стыдно

Жизнь в роскоши, даже и не столь уж большой, предполагает некие способы защиты от зависти и враждебных взглядов. Добропорядочные люди если и говорят, что кто-то имеет «навар», «капусту» или «разжился деньжатами», то непременно с некоторой иронией, легким пренебрежением и понимающей улыбкой, словно дело касается какого-то отчасти даже смешного порока, о котором лучше даже и не упоминать. Конечно, сами они были бы совсем не прочь оказаться на месте тех, кто нежится на палубах собственных яхт или, пожевывая сигару, следит в бинокль за бегом своих скаковых лошадей. Но их восхищение этими людьми всегда смешано с тайным недоверием и глубокой враждой, которые не позволяют простить избранным мира сего ни свое невольное преклонение, ни свою зависть. Поэтому жизнь миллиардеров бесконечно труднее того, как ее воображают простые смертные. Самые заурядные из этих счастливчиков попросту скрывают принадлежащие им богатства. Подобно Гарпагону они хотят покрыть все тайной и больше чумы страшатся разглашения: «Уж не собираешься ли ты проболтаться, что у меня есть шкатулка?» – с тревогой спрашивает этот мольеровский персонаж. Разоблачения он боится больше, чем ограбления. Другие выходят из положения, множа щедроты и помогая бедным. Некоторые становятся меценатами. Поддерживая артистов и художников, они надеются в нравственном смысле узаконить свои деньги. Способов откупиться, таким образом, бесчисленное множество, но все богачи, начиная от деревенского кулака и до международного мультимиллиардера, испытывают одну и ту же потребность – быть признанными несмотря на богатство и непременно вместе с ним. Мир устроен так, что нельзя быть богатым безнаказанно.

Французский актер Гранмениль в роли Гарпагона.
Иллюстрация из «Le Magasin pittoresque»

Парадоксы богатства

Несомненно, для миллиардера самое верное средство оправдаться за свои деньги состоит в том, чтобы разбогатеть еще больше. Как ни странно, но обвинения со стороны специалистов по классовой ненависти изрыгаются прежде всего в адрес мелких собственников и скопидомов, но щадят мультимиллиардеров. Профсоюзы систематически подогревают у беднейших своих членов ненависть к буржуа, к какому-нибудь провинциальному нотариусу, скопившему собственным трудом и экономией небольшой капитал, к его земле в деревне, к дому, просторнее, чем у других, и привилегиям его детей. Однако никому из них и в голову не придет обвинять тех богатых, чья оскорбительная роскошь услужливо демонстрируется на глянце-вых страницах журналов. Умопомрачительные дворцы, в которых семья Патиньо растрчивает деньги на празднества «Тысячи и одной ночи», суперяхты, сверкающие хромом роллс-ройсы – все эти атрибуты богатства настолько ослепляют, что даже не возникает и мысли осудить само их существование. Ведь они столь далеки, что здесь невозможно никакое сопоставление с обычной жизнью. Нефтяной король, эмир Кувейта, представляется обитателем какой-то другой планеты, и любое сравнение совершенно немыслимо. Но зато местный нотариус всегда под рукой в качестве объекта ненависти. Он часть того же общества, что и все, кормится от того же пирога, но – неискупимое преступление! – отхватывает самый большой кусок. Обладателя же несметного состояния защищает от вражды и зависти уже сама огромная дистанция между ним и всеми другими людьми. Мультимиллиардеров называют «олимпийскими богами современного мира». Это удачное и меткое сравнение. Чрезмерное изобилие богатств делает его владельца лицом недостижимым, вне законов и обычаев, существом почти мифическим, к которому все остальные смертные не могут даже приблизиться.

Насильственное амплуа

И обладатели больших состояний чуть ли не обязаны играть роль мифического персонажа. Если Гарпагон мог прятаться и избегать нападок, скрывая свое богатство, Крез делать этого уже никак не может. Он охотно обошелся бы без стесняющей его славы, но принужден, дабы не вызывать злобных взглядов, выходить на публику и играть свою роль. А зрители ждут от него вполне определенного представления – представления, в котором ему одному позволено быть счастливым избранником неумолимой Фортуны, бросающей свои дары к ногам первого встречного, в то время как большая часть рода человеческого остается в нищете. Благодаря средствам массовой информации создается настоящая мифическая легенда, которая отвечает ожиданиям публики и заставляет ее принять существование миллиардеров. Что бы миллиардер ни делал, он всегда на виду. Под угрозой стать козлом отпущения всех разновидностей классовой ненависти он должен сохранять предписываемое воображением общества положение и неукоснительно исполнять все требуемые современной мифологией обязанности.

Портретная галерея

Те стороны жизни миллиардеров, которые средства массовой информации доводят до публики, всегда выбираются с определенным умыслом. Последовательностью едва заметных штрихов стремятся создать нужный образ и выстроить соответствующую легенду. Как и в отношении знаменитых преступников или кинозвезд, у прессы есть целый набор стандартных качеств и случаев, предназначенных для изображения жизни миллиардеров, которую она столь умело расцвечивает, что ее герои становятся, в конце концов, чуть ли не вашими близкими родственниками. Скольких наделяли все той же патологической скупостью, тем же бессердечием и ставшим уже привычным добровольным и трагическим затворничеством, не говоря уже о любовных неудачах! Сколько биографий начинается с истории об отце, лишившем ребенка наследства, или о подавляющей всех властной матери, или, наконец, о бедности, которую, как известно, биографы стремятся сколько возможно усилить!

Мифические личности

Предлагая в этом труде ряд портретов тех, кого считали самыми богатыми людьми в мире, мы стремились не столько к исторической правде, сколько к тому, чтобы показать сложившиеся вокруг них легенды. Пусть читатель не посетует на нас за неточность некоторых сведений и за подчас отрывочный их характер. Уклонившись от скучного и изнурительного труда биографа, мы попытались восстановить те образы наших персонажей, которые были созданы прессой и молвой. Мы стремились выявить мифологию богатства, опираясь на рассказы о некоторых жизнях, показавшиеся нам особенно характерными для народной психологии.

Выше норм и законов

Когда в 1973 году Антенор Патиньо построил на восточном берегу Мексики в Лас-Гадасе курорт для миллиардеров наподобие второго Голливуда, один бесцеремонный журналист спросил, не кажется ли оловянному королю чрезмерным расходом выбросить за один уик-энд двести пятьдесят миллионов долларов на прием трехсот избранных? Немного удивленный странностью вопроса, Патиньо помедлил секунду, а потом категорически изрек: «Мой друг, запомните, что удовольствия миллиардеров никогда не бывают чрезмерными».

Конечно, это был несколько вызывающий выпад или, быть может, признак дурного настроения, вполне понятного со стороны этого набоба, которого нисколько не щадила пресса: его брачные злключения годами не сходили со страниц специальных журналов. И все-таки ответ Антенора Патиньо весьма показателен для тех отношений, которые современные миллиардеры поддерживают или стремятся поддерживать через средства массовой информации с широкой аудиторией, состоящей из тех, кому трудно сводить концы с концами и кто ищет забвения собственных бед, читая в иллюстрированных журналах о неприятностях суперзвезд и финансовых магнатов. Его ответ обнажает желание и даже потребность сих первейших среди избранных поставить себя выше обычных правил и свести на нет пагубные следствия зависти к ним, для чего нарочито выставляется напоказ то самое чрезмерное богатство, которое порождает эту зависть. И вопреки тому, что было бы естественно предположить, кричащая роскошь это не только бахвальство самодовольного нувориша. Она обладает одним весьма полезным свойством – примирять с оскорбительным неравенством доходов. Ослепляя сплошной массой золота, поражая невероятно дорогими причудами, небрежно кидая за окно ведра икры, современные миллиардеры отнюдь не возбуждают зависть толпы. Напротив, они ее усыпляют и как бы растворяют в мечтательном сне. Своими беспорядочными и бесполезными тратами они как бы показывают землю обетованную прямо здесь, среди мизерности окружающего мира. Благодаря этому рай земной представляется реальной возможностью. Чрезмерное богатство доказывает, что не вся планета погружена в тусклую повседневную жизнь, что в ней есть и пещеры Али-Бабы, и счастливые острова, и сказочные замки фей, и даже самые обездоленные когда-нибудь найдут магический ключ.

В представлении наших современников, миллиардеры призваны воплощать ту особенную реальность, в которой есть место очаровательным принцам ушедших времен. Беря в жены пастушку (хотя случалось это весьма редко), очаровательный принц узаконивал таким образом свое существование; женись на манекенщице или секретарше (что бывает чаще), миллиардер стремится к тому же: доказать реальность самой невероятной мечты. Население дешевых мебелирашек, иногда мрущее от голода и почти всегда – от скуки, не только не проклинает его за жизнь, не имеющую ничего общего с жизнью простого обывателя, но, напротив, благодарно ему, видя хоть и ничтожно малую, но все-таки вероятность райского существования на земле. Родившийся как бы в рубашке мультимиллиардер вызывает не больше зависти, чем выигравший в лото. Колесо Фортуны вертится без остановки, и слепое божество наугад выбирает тех, кто будет осыпан его благодеяниями. Видя сказочную жизнь денежных набобов, каждый мечтает о том, что, может быть, завтра придет и его черед, что и ему выпадет большой выигрыш, а она «выйдет за грека», или вдруг придет старый нотариус с известием о смерти американского дядюшки-миллионера. Поддерживая в сознании общества мечту о безмятежно счастливой земной жизни, исполняя роль земли обетованной из народной легенды, тесный мирок может не только стать приемлемым, но и заставить народные массы, несмотря на их зависть, полюбить себя. Столь несправедливо привилегированная жизнь миллиардеров помогает беднякам смириться со своей судьбой, потому что среди серой повседневности она открывает

окошко в голубые небеса. И охотнее всего таким окошком служат самые популярные французские еженедельники – «Пари-Матч» и «Франс-Диманш».

Чтобы справляться со своей ролью, какой она представляется воображению масс, олимпийское божество Фортуны, будь оно миллиардером или суперзвездой кинематографа, должно непременно удовлетворять двум противоречивым требованиям. С одной стороны, нужно все время показывать свою принадлежность к миру, совершенно отличному от того, в котором прозябают простые смертные, и притом избежать за это осуждения; поэтому положение избранника непременно требует экстравагантности. С другой стороны, этот избранник должен так или иначе оставаться доступным. Мечта о счастье, если ее совершенно невозможно осуществить, уже не настоящая мечта и не способна волновать чувства. Швея или портниха может увлечься чтением своего журнала только в том случае, если для нее сватовство Ага Хана не будет абсолютной химерой.

Излишества ради излишества

«Лучше быть большим негодяем, чем мелким жуликом», – говорил Талейран. Конечно, все миллиардеры отнюдь не негодяи. Некоторые из них, несомненно, честны и добропорядочны. Но все те, кому положение не позволяет избежать любопытства толпы, в большей или меньшей степени актеры, понявшие мудрость этого правила и неизменно ему следующие. Они инстинктивно чувствуют, что только экстравагантность личности может оправдать чрезмерное богатство. Совершенно отличная от обыденной жизнь предполагает, что и все ее конкретные проявления также находятся вне обыденного. Исключительной судьбе должна соответствовать и незаурядная личность: было бы непереносимо видеть миллиардера «господином как все».

Набоб в свете изменений национального характера и привычек

Желание рассмотреть миллиардеров не в их чисто человеческой реальности, но в свете их восприятия общественным сознанием, к чему мы и стремимся здесь, сразу же наталкивается на одну трудность. Все они играют роль и ощущают потребность стать действующими лицами в театре средств массовой информации ради того, чтобы были признаны их сверхпривилегии. Однако им приходится выступать перед совершенно разными обществами, отличными и по образу мыслей, и по национальному характеру от страны к стране (особенно от континента к континенту). Суперзвездам богатства приходится учитывать все это при исполнении своей роли. Отношение общества к деньгам сильно отличается на обоих берегах Атлантики, а также в католических и протестантских странах, не говоря уже о Западе и Востоке. Неодинаково и восприятие личности миллиардера. Роскошная яхта Корнелиуса Вандербильта вызывает восхищение нью-йоркских докеров, но в лондонском порту над ней будет смеяться вся Англия. Французское общество не ставит в упрек султану Брунея бесполезный дворец в две тысячи восьмисот комнат, но построй его для себя француз, столь скандальное расточительство было бы сурово осуждено.

Роли, которые принуждены играть миллиардеры, меняются также от эпохи к эпохе. Люди нового поколения созидателей богатств, такие как Бернар Тапи, хорошо понимают и силу средств массовой информации, и влияние на общество «молодых динамичных предпринимателей». И вот они, при мощной поддержке рекламы, уже изображают себя спасителями отечества и, преисполненные гордости за свои достижения, решительно вступают в борьбу с тем чувством вины, которое у нас всегда сопутствует деньгам. Этим они во многом отличаются от основателей династий европейских миллионеров прошлого века, которым приходилось вписываться в общество, где традиционно законность власти и богатства основывалась на происхождении и где было куда важнее «хорошо родиться», чем преуспеть в делах. Поэтому-то они и старались подобрать обноски старой аристократии, покупая развалившиеся замки, заново вызолачивая древние гербы и стараясь заполучить себе в жены девиц из обедневших фамилий. Им приходилось спешить, чтобы успела появиться патина времени, а семейства обрели аристократические манеры и научились искусству ослеплять своим богатством, сохраняя при этом чувство меры и хорошего вкуса. Портреты миллиардеров, которых продвигает пресса, создаются под влиянием не только культуры их страны, но в равной мере и представлений французского общества об этой стране, и поэтому они весьма значительно отличаются друг от друга. Каждой стране присущи определенные типы личностей и биографий, которые служат основой для свойственных только ей мифов и выявляют особенности национального характера. Великие американские магнаты, несмотря на все их различие, несомненно, обладают родственными чертами. Это часто *self-made man**, которые гордятся тем, что вознеслись из ничтожества, и без ложного стыда демонстрируют приобретенные богатства. В большинстве случаев они протестанты и любят выставлять напоказ свои чисто пуританские добродетели. При этом как никто другой они умеют вывести из богатства мораль, заключающуюся в том, что деньги есть справедливое воздаяние за трудовую и экономную жизнь. Другое дело в Европе. Там принято вести себя скромно – исключение составляет лишь неподражаемый Бернар Тапи, – поскольку люди завистливы, и надо щадить их чувства. Олимпийскому божеству Старого Света приходится прибегать в средствах массовой информации все к новым и новым ухищрениям, чтобы обезоружить критику. У нас всегда полезно принадлежать одновременно и к «старой Франции», и к «мыслящей Франции», посещать и аристократические дома, и кафе, где собираются коммерсанты. Некоторые, дабы укротить ненависть, порождаемую их богатством, проводят время то на своей яхте, то на площади Колонель-Фабьен. Зато арабам, неграм, индийцам, китайцам (из

Гонконга), японцам, малайцам и прочим индонезийцам западное общество позволяет совершенно безнаказанно быть мультимиллиардерами. Даже если их состояния нажиты на прозаических нефтедолларах, а не на сказочных алмазах Голконды, даже если они накоплены и поддерживаются ценою бесчисленных несправедливостей – все равно все эти эмиры, паши и магараджи остаются кузенами Али-Бабы, то есть легендарными героями. Они обитают в таком райском далеке, куда просто невозможно дотянуться.

Три типичных портрета

Если читать массовую прессу, выделяются три типичных портрета миллиардеров: из старой Европы, несущих на себе груз древних предрассудков и вынужденных заигрывать с общественными представлениями, отягощенными историей; из Северной Америки – этого Эльдорадо современности, которых наша эпоха воспринимает как великих авантюристов; и, наконец, из всего остального мира, где необязательно быть даже магараджей, чтобы восприниматься на Западе героем легенды. Этим трем типам соответствуют три основных раздела нашего труда. В каждом из них предлагается ряд рассказов, расположенных в хронологическом порядке и посвященных тем знаменитым людям, которые, на наш взгляд, особенно показательны в своем роде.

Образ миллиардера, который мы пытались обрисовать во введении, характерен, по сути дела, только для современного мира. Его появление связано с двумя феноменами, возникшими в XIX веке, но развившимися и окончательно утвердившимися лишь в XX веке: капитализмом, который, в свою очередь, был порожден появлением промышленности, и массовой прессой, возникшей во Франции не ранее эпохи «Пти-Журналь», то есть в первые годы Третьей Республики.

До того времени газеты и журналы слишком мало читались, а система сообщения новостей была слишком примитивной, чтобы между отдельной личностью и обществом мог возникнуть диалог и какой-нибудь человек, подобно нынешним миллиардерам, постоянно и во всех мелочах жизни оставаясь на глазах всего света, имел возможность превратиться в героя прессы и суперзвезду последних известий. Кроме того, сколь бы ни были богаты некоторые исторические персонажи, сама структура собственности в прежние времена настолько отличалась от современной, что самих этих персонажей никак нельзя сравнивать с нашими набобами. Даже если богатство накапливалось благодаря торговле или банкам, оно непременно заключалось в земельной собственности и было плотью от плоти общественного организма, подчиняясь при этом старинным и довольно сложным правилам.

Постоянное место в социальной иерархии

Все эти изощренные спекулянты – Жаки Кёры, Фуке и Медичи – были отнюдь не просто деловыми людьми, которые жонглируют на бирже анонимными капиталами. Они вкладывали свои деньги в замки и сеньориальные владения и благодаря этому сами становились сеньорами, владетелями вотчин, населенных крестьянами, в отношениях, с которыми они соблюдали взаимные обязательства, унаследованные еще от Средних веков. И если их богатства достигали уж совсем невероятных размеров, они становились принцами, владетельными князьями, чья первейшая обязанность состояла в управлении городом, осуществлении правосудия и защите тех, кто вскоре должен был стать их подданными.

Богатство ни в коей мере не ставило этих людей вне общества. Оно только позволяло им забраться на вершину пирамиды, где, однако, положение их оказывалось весьма шатким, о чем зачастую и свидетельствует жизнь наших героев. По самому духу тех старых времен в экономической и социальной системе Европы было немыслимо, чтобы личность существовала вне иерархии. Для общества эпохи Людовика XIV Фуке прежде всего суперинтендант финансов и лишь во вторую очередь – сказочно богатый человек. Зато через двести лет Ротшильд уже прежде всего миллиардер: его имя неотделимо от биржи, ажиотажа, спекуляций на железных дорогах и анонимных денег. Большинство даже не подозревает, что он также управляющий Банком Франции и, кроме того, занимает при правительстве ту или иную официальную должность.

Разница между этими двумя людьми весьма показательна. Крез эпохи абсолютизма не выделяется из общей иерархии и может стать нарушителем социального порядка только в том случае, если подозрительному монарху покажется чрезмерным его престиж. Богатства всех министров в век Короля-Солнце таковы, что сегодня, по прошествии времени, они кажутся нам просто скандальными. Но в ту эпоху, если у самих обладателей богатств не возникало искушения «высунуться из своего ряда», никто и не думал осуждать их. Крез же капиталистической эры существует как бы в стороне от общества, вне его норм, правил и иерархий. Конечно, все знают, что он завсегдатай коридоров власти и может иметь решающее влияние на политику страны. Часто именно это и ставят ему в вину. Но он всегда выглядит как чужеродное тело при власти, которое оказывает на нее незаконное и таинственное воздействие. Поэтому весьма рискованно ставить в один ряд миллиардеров XX века и «миллиардеров» (условно говоря) прошлых столетий. Сравнивать можно лишь то, что поддается сравнению.

Нам представляется бесполезным предварить нашу галерею портретов, взятых из последних двух веков, несколькими знаменитыми персонажами времен более отдаленных. Хотя ни Фуке, ни Жака Кёра, ни Медичи нельзя причислить к «порождениям средств массовой информации», каковыми были какой-нибудь Онасис или Бернар Тапи, и хотя невозможно видеть в них «миллиардеров» в современном смысле этого слова, все же приключения, а часто и злоключения их жизни не менее показательны для традиционного отношения западного христианства к деньгам.

Анафема деньгам

Деньги позорят, и обладание ими по сей день вызывает в памяти древние проклятия. В Средние века Церковь предавала анафеме ростовщичество и ростовщиков, оставляя это гнусное занятие ломбардцам, жителям Кагора и прежде всего евреям, которые извлекали из сего занятия баснословные барыши и катастрофическую репутацию. «Получив даром, даром и отдайте». Тогда профессия банкира казалась в вопиющем противоречии с этим евангельским предписанием. Отдача денег займа должна основываться не на выгоде, а на милосердии. Конечно, с течением времени и вследствие экономических причин Церковь несколько ослабила строгость этого запрета. Чтобы возместить утраченную прибыль из-за длительного омертвления капиталов, а также риск заимодавца, она позволила брать скромное вознаграждение. Но это послабление было все-таки весьма ограниченным. В принципе, одалживание денег под проценты приравнялось к ростовщичеству, и сохранялось запрещение жить на доход с капитала под страхом быть отлученным от Церкви.

Однако начиная с XVI века развитие торговли, возникновение предкапиталистической экономики и влияние Реформации постепенно заставили христиан позволять себе вольности с теми евангельскими заповедями, которые слишком уж мешали денежным делам. И все-таки страх потерять репутацию продолжал преследовать людей. «Денежная язва не смертельна», — именно так они пытались утешить себя. Но множество народных поговорок и легенд в течение веков поддерживали такое мировосприятие, при котором главным совратителем душ и всего общества считался «великий денежный дьявол».

Плата за миллионы

Христианские проповеди и народная мудрость в один голос напоминают, что Фортуна капризна и колесо ее в конце концов непременно раздавит того, кто был взыскиваем благодеяниями ее. Деньги – это отравленный дар Злого Духа, от которого человек может ждать лишь своей гибели. Рано или поздно, но тщеславие собирающего богатства мира сего будет наказано. Поэтому публика смотрит на Креза как на канатоходца, с интересом ожидая, когда он упадет. Весьма показательно, что во Франции легенды о достигших богатства сохраняются прежде всего благодаря их окончательному краху. Как будто во всей жизни этих людей только крах и заслуживает внимания. В этом отношении горе тем миллиардерам, которые миллиардерами и умерли: неблагодарное потомство забывает о них. Многие министры при Старом Порядке, начиная с Мазарини, накопили значительно больше богатств, чем Фуке или Жак Кёр. И только потому, что на их долю не выпала впечатляющая финальная катастрофа, они уже никогда не попадут на Олимп Фортуны. Ведь у нас полагается, чтобы сказочно богатые нувориши подобно Крезу были обречены стать жертвой на костре собственных амбиций. И пока они раздуваются, как лягушки из басни, на них смотрят с интересом, но и с нетерпеливым ожиданием, когда же они наконец лопнут и заплатят этим за свою дерзость.

Такой склад ума, унаследованный от прошлых веков, значительно больше, чем можно предполагать, присущ нашим современникам. Что касается самих миллиардеров, то отношение к ним общества всегда двойственно: к восхищению артистом примешивается и немного зависти; если он падает, о нем сожалеют, но все-таки тайно радуются, что он оказался таким же, как и обычные люди.

Богатство в старину

Крез (VI век до н. э.)

Тот, кого древние почитали самым богатым человеком во всей Вселенной, возможно, окончил свою жизнь на костре

Непостоянство Фортуны

Геродот оставил нам несколько рассказов об этом царе Лидии, чьи богатства и трагическая судьба поражали воображение древних.

Одни из них просто выдумка, другие весьма сомнительны, не говоря уже об апокрифах. Впрочем, это не помешало царю стать героем легенды, которая и по сей день служит образцом во всем, что касается миллиардеров.

Царь-завоеватель

Последний из династии Мермнадов и последний царь Лидии Крез правил с 561 по 546 год до н. э.

Меценат

Этот римский всадник родился в Ареццо в 69 году до н. э. и был после Креза вторым великим миллиардером Древнего мира. Он пользовался доверием императора Августа и стал покровителем искусств и изящной словесности. Его щедротами пользовались, среди прочих, Вергилий, Гораций и Проперций.

Он был сыном царя Алиатта и карийки и наследовал отцу после того, как двенадцать лет при нем правил страной.

Крез заботился лишь об увеличении своих владений и преумножении тем самым богатств, которые вскоре стали такими, что вошли в пословицу. Заручившись дружбой спартанцев, он с ненасытной жадностью, восхищавшей его современников, принялся расширять свое царство. На западе он обложил данью греческие города Ионии, на востоке – отодвинул границу Лидии до реки Галис.

Крез – царь Лидии

Легендарный царь

Вполне надежные источники подтверждают существование скопленных им в своей столице Сардах сокровищ, а также его отношения с дельфийским оракулом. Однако приезд к нему Архонта Солона ничем не подтверждается, хотя именно это событие, подобно морали в притче, придает смысл жизни царя-миллиардера.

Философ, который портит людям жизнь

Согласно преданию, полагавшему себя счастливейшим из людей Крезу пришла в голову неудачная мысль спросить Солона, человека большой культуры и всеми уважаемого, что он думает о его жизни. В ответ на это мудрец изобразил на своем лице сомнение и назидательно изрек: «Не дожив до смерти, никто не может почитать себя счастливым». Но царская душа не была отягощена такой же печалью, как у Солона. Он вполне здраво рассудил: раз нельзя назваться счастливцем, пока не умрешь, то уж после смерти на это еще меньше надежды; а это отнюдь не обнадеживало. Посему, лишь пожав плечами, возвратился царь к прежней своей беззаботной жизни.

Но вскоре на Креза пошел войной персидский царь Кир, угрожая захватить всю Лидию. Крез как тонкий политик поспешил по своему обыкновению посоветоваться с дельфийским оракулом, который сказал ему, что «если он перейдет Галис, то разрушит великое царство». Крез буквально последовал этому спасительному совету, перешел со своим войском реку, наголову разбил персов, возвратился с триумфом и, распустив воинов по домам, с наслаждением опять предался пересчитыванию своих сокровищ. Однако он не подумал об ожесточении Великого Царя, который, пользуясь зимним временем, внезапно напал и осадил Сарды. Крез был пленен, и Кир, отнюдь не славившийся милосердием, вероятно, велел по обычаю того времени лишить его жизни.

Happy end?

Однако, согласно более оптимистическому преданию, царь-миллиардер спас свою голову с помощью совершенно неожиданной уловки. Взойдя на костер, где его хотели изжарить, он со стенаниями прошептал: «Ах! Солон, Солон, как ты был прав!». Кир, подобно всем людям Древнего мира, очень любил невразумительные загадки. Когда он услышал непонятные слова

Креза, то подумал, будто это говорит оракул, велел объяснить их смысл, а узнав, в чем дело, прослезился и не только помиловал своего врага, но и обещал ему покровительство.

По этому преданию Крез был сделан тайным советником Великого Царя и счастливо окончил свои дни при дворе Кира и Камбиза.

Жак Кёр (ок. 1395–1456)

Жак Кёр блистал не только на поприще «импорта-экспорта», он был еще и судовладельцем, и сам себе банкиром. Изобретатель «треста» допустил только одну оплошность – родился на четыреста лет раньше, чем следовало.

Роковая развязка

31 июля 1451 года в Большом Совете под председательством короля Карла VII разыгралась трагическая и вместе с тем эффектная сцена, одна из тех, которые привели бы в восторг журналистов, существуй они тогда. После нескольких доносов, по большей части анонимных, к Его Величеству обратились с просьбой, чтобы он повелел заключить в тюрьму и предать правосудию своего великого казначея Жака Кёра, человека чрезвычайно богатого и имевшего поэтому множество завистников.

Девизы

Дом в Бурже прекрасно характеризует личность построившего его человека. Особенно выразительны девизы на стенах. Среди них есть, например, такие: «Храброе сердце всего достигает»; «Выслушай, скажи, сделай, смолкни»; «Если рот закрыт, туда и муха не влетит».

Дело было весьма важное, ибо, кроме доверия короля, он пользовался еще уважением и даже дружбой Его Святейшества папы Николая V. Среди прочих преступлений его обвиняли в отравлении королевской фаворитки Агнесы Сорель и в чрезмерном обогащении за счет короны. Не без некоторой задней мысли придворные упорно настаивали, чтобы монарх наложил секвестр на имущество банкира, прежде чем конфисковать его в пользу самых ревностных своих слуг. Карл VII отличался слабой волей и легкой внушаемостью; он послушно исполнял все, что требовали новые фавориты, от которых зависела погода во дворце. Вяло порассудив о том, как поступить в этом неприятном положении, он уже собрался было призвать капитана стрелков, но тут вдруг с шумом явился сам обвиняемый, несомненно предупрежденный кем-то из его шпионов при дворе. «Государь, – воскликнул он, – умоляю, Ваше Величество, позвольте мне оправдаться в тех клеветах, которые возведены, чтобы погубить меня. Оставьте меня своим пленником до тех пор, пока невиновность моя не будет бесспорно доказана». Король, который не умел никому отказывать, согласился на испрошенную милость, и в тот же вечер Жак Кёр, самый богатый человек своего времени, оказался в башне замка Тайлебург. По прошествии недолгого времени его перевезли в темницы Люзиньяна, и до самого суда он находился там под охраной своего злейшего врага, в прошлом предводителя шайки «потрошителей», которого он обидел тем, что дал займы денег. Это был хотя и знатный, но мало разборчивый в средствах вельможа по имени Антуан де Шабанн, ставший вскоре одним из судей Жака Кёра.

Так завершилась карьера человека, которого можно считать первым капиталистом в истории Европы. Он поражает как своими невиданными успехами, так и множеством романтических приключений.

Под сенью Беррийских герцогов

Будущий королевский казначей появился на свет в Бурже около 1395 года. Историки-романтики сочли необходимым украсить легенду и увеличить его личные заслуги, для чего назначили ему родиться в бедности.

Однако никак нельзя отнести семейство Кёр к простонародью, ведь оно владело собственным домом в городе, процветавшем благодаря дворцу герцога Беррийского Жана Вели-

колепного, которого обессмертили в своих хрониках лимбургские монахи. Отец Жака Кёра происходил из Сен-Пурсена, в Бурбоннэ он занимался весьма прибыльным делом – торговлей мехами. Он принадлежал к числу влиятельных горожан Буржа. Один из братьев Жака Кёра, Никола, состоял каноником в герцогской часовне, а сестра его вышла замуж за некоего Жана Бошетеля, секретаря короля Карла VI. Что касается его жены, Масэ де Леодепар, то она была дочерью высокопоставленного герцогского придворного и внучкой мастера монетного двора. Другими словами, хотя семья и не была очень богата, мальчик от самого рождения принадлежал к той городской аристократии, которая уже более века поднималась все выше и выше.

Воспитание юного бюргера

О воспитании Жака Кёра в детские годы известно мало достоверного, поэтому остается лишь прибегнуть к игре догадок. Его собственная семья и семья его тещи с давних пор занимались чеканкой монеты и ювелирным делом, и весьма вероятно, что по обычаю того времени он, продолжая семейную традицию, шесть лет учился этому ремеслу. Ювелирное дело доставляло тогда много выгод и преимуществ, и столь честолюбивый человек, конечно же, не пренебрегал ими. В ту эпоху такое занятие отнюдь не считалось еще чем-то низменным, как это стало потом с ремеслами, получившими пренебрежительное название «механических». Наоборот, оно давало личное дворянство и весьма облегчало доступ ко двору. Именно таким образом Кёры и Леодепары приблизились к Беррийскому дому. Что касается других занятий Жака Кёра, то мы о них почти ничего не знаем, кроме того, что он не учился в университете, а только прошел курс теологии и был посвящен в низший духовный сан. Это не помешало ему жениться, и позволило всю жизнь, а особенно во время суда, пользоваться привилегиями и льготами, предоставленными духовенству.

Поставщик буржского короля

Катастрофы Столетней войны явились для молодого монетного мастера истинным благодеянием. Разодранная на части Франция оказалась под игом захватчиков. 21 июня 1418 года будущий король Карл VII бежал в поисках убежища в свой добрый град Бурж, ожидая чуда небесного, которое спасло бы его королевство от англичан.

Именно тогда Жак Кёр и два его сотоварища, Рован-Датчанин и Пьер Годар, получили в свое управление городской монетный двор. Благодаря этому они приобрели немалые выгоды, пользуясь, несомненно, средствами, весьма далекими от нравственных требований их профессии. Первый известный нам подлинный документ, относящийся к Жаку, это разрешительная грамота короля Карла VII от 6 декабря 1429 года, по которой он и его сотоварищи были прощены в совершенном ими преступлении – чеканке монет «дурной пробы», то есть из такого серебра, которое не соответствует королевским указам.

Возвышение монетного мастера

Эта мелкая неприятность нимало не повредила карьере нашего бюргера. В то время спекуляция на весе и пробе монет широко практиковалась, и ее считали скорее маленьким грешком, чем преступлением, если, конечно, делалось это с достаточной осторожностью.

Да и сам король имел все основания быть снисходительным к банкиру, чьи деньги хоть и низкой пробы, но все-таки помогали содержать победившее под Орлеаном войско Жанны д'Арк. Жак Кёр был не только не удален от двора, но получил повышение – стал придворным поставщиком.

При том положении, в котором находился тогда король Франции, эта должность была настоящей синекурой, из которой Жак сумел извлечь немало выгод. Обеспечение дворца всем необходимым было не единственной его привилегией. Занимаемое положение позволяло ему

знать все тайны власти, но, что важнее всего, поскольку у Карла не оставалось и ломаного гроша, он совершенно естественно стал его банкиром.

С этого времени Карл VII постоянно прибегал к помощи Жака Кёра, чтобы найти деньги для войн и на другие нужды. А наш бюргер охотно давал ему кредиты на очень долгие сроки и даже, что было еще прибыльнее, как бы просто так, за некоторые привилегии и незаконные льготы, благоприятствовавшие расширению его дел.

Путь к Леванту

После того как на старой рыночной площади была сожжена Жанна д'Арк, война на четверть века более или менее затихла, что способствовало дальнейшему развитию торговли. Жак Кёр сразу же воспользовался этим для извлечения выгод от полученных им королевских привилегий.

Международной торговли в то время практически не существовало, ее еще предстояло создавать. Для дел с Левантом у Франции тогда не было ни флота, ни портов, способных принимать большие суда, ни дипломатических соглашений, позволяющих вести дела с мусульманскими странами.

Прежде чем приступить к осуществлению своих обширных замыслов, Жак Кёр принял опасное разведывательное путешествие в Дамаск, Бейрут и некоторые другие столицы Востока. Это путешествие чуть было не стало для него последним. На обратном пути его судно, нагруженное товарами почти до верхушек мачт, попало в ужасную бурю и затонуло у берегов Корсики, где местные жители, хотя люди и гостеприимные, взяли всех в плен, а самого Жака Кёра отпустили только после того, как заполучили все его имущество.

Легенда

Рассказывали, что, желая поразить своих современников, Жак Кёр выложил пол одной из комнат своего буржского дворца золотыми монетами, поставленными на ребро. Конечно, этого никогда не было, но... легенды живут долго!

Лангедок

Деятельность Жака Кёра послужила для юга Франции началом экономического расцвета. Уже в 1444 году епископ Пюи писал: «Плавания галионов суть главный источник существования и пропитания лакгедокской земли».

Нимало не обескураженный этой неудачей, наш бюргер, успевший завязать на Востоке нужные связи, с легким сердцем принялся за дело.

Прежде всего, он приступил к строительству хорошо оборудованного порта на Средиземном море, для чего был избран Монпелье по причине довольно хороших дорог, связывавших этот город с внутренними провинциями Королевства. Кроме того, Жак Кёр имел одну исключительную привилегию, дарованную покойным папой Урбаном V – отправлять каждый год шесть судов в Александрию для торговли с неверными, что было запрещено всем другим купцам христианского мира, как измена вере. И Жак Кёр заставил городских советников Монпелье вырыть каналы, необходимые для приема больших талионов.

На некоторые работы он дал собственные деньги и, к величайшей радости горожан, начал строить «купеческий дом», предназначенный одновременно для биржи и для торгового суда.

Употребляя все свое влияние для скорейшей постройки порта, Жак Кёр заложил на верфях собственный флот – семь кораблей, четыре больших галиона, или галеаса, и три судна с малой осадкой, таких как барки, фусты и галиоты. После постройки судов ему надо было еще найти для них экипажи, что в то время представлялось делом чрезвычайно трудным. Банкир придумал для этого новый способ, получивший королевское одобрение и употреблявшийся впоследствии с большим успехом – принудительную вербовку «за справедливое вознагражде-

ние (...) плутов, развратников, притонодержателей и прочего сброда» из отбросов городского населения.

Торговля и политика

Главный талант Жака Кёра состоял, несомненно, в незаурядных дипломатических способностях. Именно благодаря ему он сумел добиться от короля Франции и от верховного первосвященника небывалых привилегий для своих предприятий. У Карла VII он выторговал позволение силой забирать в матросы всяких бродяг, а у папы Евгения IV – исключительное право торговли с неверными в течение семи лет. Первое папское разрешение было дано 6 сентября 1446 года, благодаря хлопотам нарбоннского каноника Этьенна из Камбре, ловкого ходатая, добившегося, кроме того, для старшего сына Жака Кёра епископского места в Бурже. Второе разрешение последовало через два года во время приезда в Рим королевского посольства во главе с тем же Жаком Кёром. Булла Николая V продлевала прежнюю привилегию на всю его жизнь и вдобавок разрешила ему перевозить паломников в Святую Землю.

Флот

Известны имена главных кораблей Жака Кёра: «Нотр-Дам Сен-Дени», «Нотр-Дам Сен-Мишель», «Нотр-Дам Сен-Жак» и «Ля Мадлен».

Господин Добрых Услуг

Но одно дело – получить все эти привилегии, делавшие его почти монополистом в левантской торговле, и совсем другое – реально воспользоваться ими. Для этого надо было не только заручиться содействием родосских рыцарей, но и договориться о торговле с их заклятым врагом – султаном Египта.

Это удалось ему благодаря двум дипломатическим демаршам, которые, хотя и были с виду совершенно бескорыстными, тем не менее служили лишь его личным целям. Во-первых, с благословения папы он добился мирного договора между Родосом и султаном. Во-вторых, убедил султана отменить запрет на пребывание венецианских купцов в Египте. Но эта двойная услуга своим конкурентам (родосские рыцари, как и венецианцы, играли большую роль в средиземноморской торговле) не помешала талионам Жака Кёра найти путь на Восток.

Посол Его Величества

С этого времени Абу Сайд эль-Дахер (так звали султана) благосклонно относился ко всем действиям банкира и его агентов, а особенно к тому, что сделал от имени короля Карла VII Жан де Виллеж, капитан талиона и племянник (по жене) Жака Кёра.

Стараясь задобрить властителя Египта, наш банкир нарушил все запреты и отправил ему в дар оружие и доспехи, которые были тогда последним словом техники, то есть не позволяли носившему их сделать ни малейшего движения. В ответ на это султан послал королю Франции «ароматнейший бальзам из своих садов, китайский фарфор, имбирь, сахарную пудру, миндаль и пятьдесят фунтов бамбу-гета» – драгоценного вещества, о котором ничего не знали даже самые наимудрейшие ученые. Абу Сайд любил забавляться войной, а Карл VII обожал сладости, и поэтому оба монарха решили обменяться послами и совместно покровительствовать торговле между своими странами.

Родос

На этом острове находились подворья рыцарей из разных христианских королевств, благодаря чему он являлся важнейшей военной крепостью, но что касается торговых дел, здесь его роль была ничтожна.

Империя Жака Кёра

Ведя все эти переговоры с рвением верноподданного, Жак Кёр не забывал и о собственных выгодах. Он получил от султана особую привилегию для своих талионов и мог теперь, не опасаясь конкуренции, перевозить товары с одного конца света на другой. На Левант доставлялись сукна из Фландрии и Брабанта, лионское полотно, плетеные в Монпелье корзины, воск, винный камень, кислота для крашения кож, а также розы и фиалки, которые арабы употребляли для изготовления своих прославленных благовоний. Обратно привозили восточные сласти, арабских скакунов, мускус, духи и еще множество других замечательных вещей.

Золотая жила

Одной только левантийской торговли было достаточно, чтобы поставить нашего буржского купца в один ряд с самыми богатыми людьми своего времени, но судьба определила для него совершенно необычную жизнь.

Этот чуть ли не единственный человек, торговавший с неверными, заметил одну странную особенность и, благодаря своему таланту, сумел ее использовать. Тогда, к концу Средних веков, драгоценные металлы очень неравномерно распределялись между Западом и Востоком. В христианском мире золото встречалось редко и ценилось дорого, поэтому монеты чеканили преимущественно из серебра. А в мусульманских странах все было совсем наоборот. Торговля между двумя этими экономическими сообществами влячила жалкое существование, и ничто не способствовало паритету денег. Жак Кёр сразу понял, как можно использовать подобное положение. Он платил арабам серебром, а христианам золотом и получал от столь незамысловатой операции стопроцентную прибыль.

Капиталист

Неудивительно, что Жак Кёр сумел накопить огромное богатство. Те деньги, а вернее золото, которое его корабли регулярно привозили с Леванта, он вкладывал в выздоравливающую Францию с азартом ребенка, играющего в монополюку. Не ограничиваясь приобретением замков и поместий, наподобие того, как теперь покупают большие магазины, он основал не только по всему Королевству, но также в Испании и Италии торговые конторы, руководимые «факторами», число которых ко времени суда над ним составляло около трех сотен. Кроме того, он вкладывал деньги в лионские копи и еще больше во флорентийские мастерские. Иначе говоря, Жак Кёр постоянно занимался капиталистической деятельностью.

Индейка

Среди завезенных Жаком Кёром во Францию редкостей была и индейка, которую называли тогда турецкой курицей.

Cursus honorum¹

Как оно всегда бывает, к богатству липнут и слава, и зависть. По крайней мере, в этом жизнь Жака Кёра не была исключением.

Возвратившись в столицу, Карл VII за верную службу назначил его начальником парижского монетного двора, а еще через три года, в 1439-м, на чрезвычайно высокий пост королевского казначея, после чего он получил вскоре и другие должности: наместника в Лангедоке (1440), королевского советника (1442) и коменданта бесчисленного множества замков. Все эти почести, в совокупности с обязанностями придворного поставщика и полученной им около 1441 года грамотой на дворянство, сделали Жака Кёра одним из самых могущественных лиц Королевства и, соответственно, увеличили число его врагов.

¹ Карьера (лат.)

Мастер на все руки

Тогда, в XV веке, власть и деньги все чаще шли рука об руку, и неудивительно, что в жизни казначея политические дела приобретали значительный вес. Да и сам король уже неоднократно имел возможность оценить дипломатические таланты Жака Кёра, которому он стал поручать деликатные миссии для разрешения политических трудностей там, где были вложены деньги самого казначея. Так его отправили послом в Геную, чтобы попытаться (это не удалось) привести к повиновению Джованни Кампо Фрегосо. Ездил он и в Рим требовать от имени короля Франции положить конец новому расколу на Западе и правлению антипапы Феликса V.

Казначей

Исполняемые Жаком Кёром обязанности казначея не имели ничего общего с деятельностью современного министра финансов. Эта должность соответствовала тогда должности управляющего королевским двором и заключалась в том, чтобы «смотреть за продовольственными припасами и кладовой тканей, обстановкой, деньгами и драгоценностями всякого рода, находящимися при дворе.

Колесо Фортуны

Это чудесное возвышение, этот невиданный во всем христианском мире успех не мог не вызвать против Жака Кёра множества разных враждебных чувств: озлобление самых знатных фамилий французской аристократии, чьи наследственные земли он выкупил (герцог де Бурбон, маршал де Кюлан, Эташ де Леви, Ла Тремуи); ненависть его бесчисленных должников, ожидавших с понятным нетерпением его падения; неблагодарность бюргеров Монпелье, которые, сначала превознося его до небес, затем воспылали к нему смертельной враждой за то, что он перевел часть своей торговли в Марсель, порт их соперников; наконец, зависть земляков, недовольных построенным им в родном городе слишком уж роскошным дворцом. Мало-помалу, неприметно для него самого, против Жака Кёра с клеветой, заговорами и интригами выступила целая армия тайных врагов.

Суд

«Какие бы напраслины на меня ни возводили, никто еще не был столь чист перед королем, как я», – так Жак Кёр в слепой уверенности писал жене накануне ареста. В апогее своего могущества этот человек, не знавший поражений, оказался последним из увидевших надвигающуюся на него катастрофу. Смерть Агнесы Сорель разбила сердце короля, а опала Пьера де Брезе лишила казначея самого верного союзника при дворе, и после этого судьба его была решена. Безутешный король попал под влияние новой клики, состоявшей из самых непримиримых врагов Жака Кёра – Жана де Леви, Антуана де Шабанна и Гийома Гуфье.

Суд тянулся два долгих года. Жака Кёра все это время перевозили из одной тюрьмы в другую: в Люзиньян, Майе, Тур и, наконец, в Пуатье. Учитывая высокое положение подсудимого, его судили равные ему чины и сам король. Обвинение в смерти Агнесы Сорель, придуманное с единственной целью ожесточить монарха, почти сразу отпало. Остались четырнадцать обвинительных статей и среди них: чеканка низкопробной монеты (несмотря на разрешительную грамоту 1429 года), поставка оружия неверным, вывоз драгоценных металлов в арабские страны и, самое главное, возвращение мусульманам

Христианский раб

В 1446 году некий христианский пленник сбежал от своего мусульманского господина и нашел убежище на борту одного из кораблей Жака Кёра, стоявшего в александрийском порту. Капитан его, Мишле Тейнтюрье, спрятал беглеца, привез в Монпелье и взял к себе в дом как

слугу. Узнав об этом, Жак Кёр впал в неопиcуемый гнев. Если бы дело дошло до султана, он мог бы расторгнуть все торговые договоры. И безо всяких колебаний Жак Кёр отправил несчастного раба-христианина обратно к мусульманам. Этот поступок дорого обошелся ему на судебном процессе.

Большинство этих обвинений были справедливы лишь отчасти.

Приговор

Напрасно Жак старался оправдать себя, напрасно папа Николай V прислал посольство просить для него королевского милосердия, и уж подавно понапрасну его семья пыталась доказать, что он, как клирик, не подлежит королевскому суду. Колесо Фортуны уже повернулось против него. 29 мая 1453 года в люзиньянском замке канцлер Гийом Жувенель дез Юрсэн зачитал приговор. После «долгого и зрелого рассмотрения» Жак Кёр был признан виновным в «лихоимстве, обмане, незаконном вывозе драгоценных металлов и звонкой монеты, а посему и в оскорблении Величества». Но, принимая во внимание услуги, оказанные осужденным, а также «в уважение» к Его Святейшеству папе Карл VII избавил его от полагающейся по закону смертной казни. Жак Кёр был приговорен «к приличествующему покаянию перед королем в лице уполномоченной на то персоны, а именно стоя на коленях с непокрытой головой и спущенным до пояса оплечьем, держать в руках горящий восковой факел весом в десять фунтов». А также к конфискации всего имущества и содержанию в тюрьме до полной уплаты всех сумм, каковые признаны были украденными им. Это означало для несчастного пожизненное заключение.

Романтическая смерть

Было бы жаль, если бы жизнь такого человека окончилась бесцветно, в четырех стенах тюремной камеры. Но судьба определила этому великому бюргеру и окончить свои дни самым необычным образом. В октябре 1455 года, благодаря содействию нескольких священнослужителей, Жаку Кёру удалось бежать из тюрьмы. Через земли короля Рене он достиг Италии и нашел убежище у папы Каликста III, который замышлял тогда военную экспедицию на Родос для защиты острова от турок. Жак Кёр отправился туда с первым же кораблем в качестве генерал-капитана, но на острове Жиосе его ждала славная смерть, случившаяся 25 ноября 1456 года. Прежде чем отдать Богу душу, он успел написать Карлу VII письмо, в котором поручал королю своих детей.

Miles et mercator

Средневекового купца часто называли «Miles et mercator» – торговец и рыцарь.

В противоположность весьма распространенному мнению, занятие торговлей не было тогда несовместимо с дворянским достоинством. Многие фамилии старинного рыцарства, особенно на юге Франции и в итальянских городах, занимались коммерцией, которая считалась не только не унижительной, но стала одним из способов достижения дворянства. Людовик XI, основывавший всю свою политику на развитии городов, собирался даже ввести систему возведения купцов в дворянское звание. Однако эта мера была отвергнута Парламентом. Уже в XVII веке Людовик XIV подтвердил, что дворяне могут безбоязненно заниматься торговлей, но продавать товар только большими партиями «в тюках и ящиках и не содержать лавок».

Ювелир

При Старом Порядке, а особенно в Средние века, если человек становился мастером цеха, это означало, что он входил в городскую аристократию. Некоторые профессии, например, мясная торговля, были особенно уважаемы. Ювелиры, так же как и кузнецы, получали дворянское достоинство, становились благородными и могли носить шпагу. Поэтому возведе-

ние Жака Кёра в дворянство было лишь признанием факта и распространением дворянских привилегий на его потомство.

Жак Кёр

Медичи (XIII–XVI века)

У этих торговцев пилюлями была душа принцев и меценатов... и они обанкротились!

Блистательные банкиры

Медичи, ставшие славой Флоренции и за несколько веков породнившиеся со всеми владетельными домами Европы, начинали свою карьеру довольно скромно. Они происходили из Мугелло, небольшой деревушки на севере Тосканы, и были сначала мелкими сельскими собственниками, а потом переехали в город, чтобы заняться торговлей.

С XIII века Медичи уже занимают достойное положение среди флорентийских бюргеров и обзаводятся тем гербом, который вскоре стал столь знаменитым и в описании которого значилось: «На золотом поле шесть шаров. Верхний лазурный с тремя золотыми лилиями, остальные пять червлёные».

Рыцари или аптекари?

Непревзойденные по роскоши

Филипп де Коммин писал: «Я полагаю, что Медичи обладают величайшим торговым домом, какой только бывал когда-либо в целом свете», что, впрочем, неверно, поскольку Барди, раскинувшие свои сети до самого Востока, уже в то время имели у себя большее число служащих. Только великолепие и роскошь ставили Медичи выше всех других.

Ученые, занимающиеся составлением родословных, за щедрое вознаграждение из всех сил старались доказать, что знаменитые флорентийские банкиры происходили от паладина Аверардо де Медичи, которого Карл Великий наградил своим оружием за освобождение страны от гиганта Мугелло. К этому, конечно, надо относиться с осторожностью, поскольку само существование сего паладина не более достоверно, чем существование гиганта Мугелло.

Самое распространенное мнение (но столь же бездоказательное) состоит в том, что Медичи происходили из медиков или, скорее всего, из аптекарей и что шары на их гербе изображают не что иное, как пилюли от кашля.

Сливки из левого горшка

Как бы ни объясняли происхождение шаров на гербе Медичи (по-итальянски *райе*), во внутренних раздорах города они стали символом сторонников этого рода. С давних пор связанные с политической жизнью Тосканы, Медичи постоянно выступали на стороне народной партии против богачей. Эта благородная, прогрессивная и бескорыстная политика (как теперь сказали бы, левая ориентация) всего за несколько лет сделала их самыми знатными и самыми богатыми патрициями во Флоренции.

Первыми из этого семейства, кто играл важную роль в политической жизни города, были Аверардо (или Эврар), гонфалоньер в 1314 году, и Сальвестро, тоже гонфалоньер, который возглавил народное восстание против семейства Альбицци и подвергся за это ostracismo.

Было бы слишком долго даже вкратце описывать бесчисленные подвиги, совершенные семейством Медичи во славу Флоренции. Оно прославилось и в военных походах, и в политических столкновениях и всегда было первым там, где решались не только их собственные дела, но и дела города. В конце концов, Медичи как-то незаметно перестали отличать одно от другого.

Очень рано расширив поле деятельности своего банка на всю Европу посредством целой сети торговых контор, они сделались самыми известными среди того нового класса капиталистов, который уже начинал брать верх над прежним бюргерским патрицианством.

Престиж громадного состояния Медичи и отношения, которые они поддерживали с остальным миром, весьма облегчили им захват власти во Флоренции.

Первый холдинг

Продолжая выступать в качестве защитников народа от патрициев, эти космополитические банкиры после некоторого времени, проведенного в изгнании, в конце концов встали во главе Синьории.

В 1421 году Джованни Медичи по прозвищу ди Биччи занял должность гонфалоньера. Этот проницательный и ловкий политик сумел, исправив городской кадастр, оказаться полезным своим землякам, не забывая, впрочем, и о собственных доходах. Именно он организовал сеть банков, которые положили основание могуществу его рода.

Деятельность Медичи существенно отличалась от того, чем занимались Перуцци, Барди и прочие Фрескобальди, поскольку с юридической точки зрения у них не было единой «компании». Они владели множеством мелких, теоретически независимых компаний, со своими особыми бухгалтерскими книгами и собственным капиталом. Во главе этих «филиалов», разбросанных по всей Европе, стояли управляющие, избранные из акционеров, не принадлежащих к партии большинства. Эти первые генеральные директора не получали твердых окладов, их доход зависел от прибыли банка. Сами Медичи, считавшиеся «главными компаньонами», владели более чем 50 % акций, и поэтому их семейство всегда оставалось полновластным хозяином гигантского, но в то же время чрезвычайно гибкого предприятия.

Структурная схема компании Медичи

около 1458 года

Глава фирмы Косма Старший IV

Генеральный директор Джованни Америго Бенчи Ф

Шелковая мануфактура во Флоренции

Суконная мануфактура во Флоренции

Городской банк во Флоренции

Международный банк (главная контора во Флоренции) и международная торговля Компании

Филиалы в заальпийских странах:

Женева

Брюгге

Лондон

Авиньон

Филиалы в Италии:

Милан

Венеция

Пиза

Рим

Банк

Папское налоговое

Агентство

Торговля

Упрочение династии

Из всех достижений Джованни ди Биччи не самым последним было то, что он оставил после себя двух сыновей, еще более умных, чем он сам. Козимо и Лоренце стали воистину

создателями величия семейства Медичи. Благодаря им потомки аптекарей из Мугелло сделали знатнейшими людьми в Европе.

Козимо, или, как его называли, Косма Старший, был предком Лоренцо Великолепного, герцогов Немурских и Урбинских, пап Льва X и Клемента VII, Александра, герцога Флорентийского и королевы Франции Екатерины Медичи.

Что касается самого Лоренцо, то среди его потомков было несколько великих герцогов Тосканских и французская королева Мария Медичи.

Диктатор-республиканец

Косма Старший (1389–1464) после смерти своего отца стал руководить всеми делами семьи. Альбицци, чью патрицианскую власть он пытался уничтожить, изгнали его из города, но в 1432 году он с триумфом возвратился и, сохраняя республиканскую форму правления, на деле установил свою собственную диктатуру. Не соглашаясь сам занимать какие-либо официальные должности, он всегда устраивал так, чтобы у власти оказывались преданные ему люди. Таким образом, руки у него оставались свободными, и он мог осыпать сограждан благами, а следовательно, поддерживать свою популярность. Окруженный ореолом имени «Отца Отечества», Косма стал одним из великих государей эпохи Возрождения и был первым в череде великих меценатов семейства Медичи.

Именно он, удвоив доставшееся ему состояние, направил свои усилия на то, чтобы сделать Флоренцию самой престижной лабораторией Возрождения. Он призвал архитекторов и художников – Брунеллески, Микелоццо, Донателло, Филиппе Липпи, Беноццо Гоццолли. Он окружил себя учеными-гуманистами, такими как Бруни и Марсилио Фичино, которого поставил во главе созданной им флорентийской Платоновской Академии.

Тиран-гуманист

Внук Космы Старшего, Лоренцо Медичи, прозванный Великолепным, был, возможно, самым прославленным из всех государей Возрождения. Наследовав в 1469 году своему отцу Пьеро-Подагрику, он получил титул «князь Государства», что придавало некоторую законность власти семейства Медичи над Синьорией, которая, однако, утвердилась не без некоторых затруднений. Патриции во главе с Пацци, поддержанные папой Сикстом IV, составили заговор против тирании Медичи, который окончился неудачей, но в кафедральном соборе был убит брат Лоренцо Джулиано. После его гибели на Лоренцо ополчились объединившиеся Неаполь и Сиена, сопротивление которым было бы безнадежно неравным, не удайся ему чудесным образом избежать надвинувшейся опасности благодаря набегу турок, смешавших все планы его врагов. Это испытание только возвысило Лоренцо в глазах флорентийцев, и с того дня он уже прочно утвердил власть Медичи.

Принц поэтов и художников

Теперь по примеру своего деда он мог посвятить все свои богатства поощрению искусств, покровительству литературы и наук. Превратив Флоренцию в гигантскую художественную галерею, он лучше, чем кто-либо другой, воплотил в себе идеал государя эпохи Возрождения. Просвещенный любитель искусств и щедрый гуманист, Лоренцо более заботился о меценатстве, нежели о торговле и финансах, и, встав на путь непомерных трат, он неизбежно должен был привести все семейство к разорению. Но более всего Лоренцо Великолепный стремился к политической власти, и, конечно же, его нельзя было считать капиталистом. Пренебрегая финансовым могуществом и торговлей, он вложил почти все свое состояние в земли и поместья. Хотя и рожденный для того, чтобы возглавить торговую империю, Лоренцо тем не менее по своему мировоззрению принадлежал к средневековому обществу, остававшемуся строго иерархическим и сохранившему феодальные порядки и рыцарские идеалы. Капитализм, гени-

альными предшественниками которого были его предки, находился лишь в стадии зарождения. По представлениям Лоренцо Медичи, суверенная династия явилась естественным завершением восхождения к власти.

Банкир-поэт

Кроме того, что он был меценатом и политиком, Лоренцо Великолепный еще и сочинял стихи. Его произведения, отличающиеся чистотой стиля и изяществом, были опубликованы в 1626 году великим герцогом Леопольдом II.

Банкротство

Страсть Лоренцо к гуманитарным наукам и литературе повлекла за собой быстрый упадок Компании. Один за другим закрывались филиалы: 1469 год – венецианский, 1478 год – в Лондоне и Брюгге, 1494 год – миланский.

Величие и упадок

Желая играть в принцев, Медичи заставили Фортуна повернуться вспять, и эта до сего времени улыбавшаяся им богиня начала строить гримасы. В 1494 году по прибытии Карла VIII флорентийцы восстали против своих властителей и заставили Пьеро, сына Лоренцо Великолепного, покинуть город, так что находившийся во Флоренции банк был сразу же обезглавлен. Финансовая карьера Медичи окончилась, и с этого дня с ними уже могли считаться не более, чем с обычными владетельными особами. Первенство перешло к Франции, к европейским меценатам и римским первосвященникам. Несколько раз Медичи удавалось вновь утвердиться в своем городе, но никогда им уже было не стать денежной династией, подобной тем, которые появились после них лишь в XIX веке. На вершине своего могущества они избрали роль государей, чья власть была выше или по крайней мере наравне с властью денег.

Фуггеры (XIV–XVI века)

Фуггеры были промежуточным звеном между Медичи и Ротшильдами. Из купцов они стали банкирами королей и принцев, а потом и сами превратились в принцев

Суконщики, основавшие мультинациональную фирму

В противоположность Жаку Кёру, чья деятельность протекала главным образом внутри Французского Королевства, семейство Фуггеров явилось настоящей династией, претендовавшей на международную роль.

Первый из известных ее создателей, Ганс Фуггер, был простым ткачом из деревни Грабен неподалеку от Аугсбурга. В 1370 году его сын, тоже Ганс, благодаря женитьбе на Кларе Видольф, стал гражданином этого города, который впоследствии он сам и его потомки сделали одним из значительнейших финансовых центров Европы. Овдовев, Ганс II поспешил соединить свою судьбу с Элизабет Гфаттерманн, дочерью влиятельного советника, что позволило ему продолжить восхождение по социальной лестнице, и вскоре он возглавил игравшую большую роль в городе корпорацию ткачей.

От мануфактуры к торговле

Ганс II Фуггер стал истинным основателем семейного богатства благодаря торговле пряностями, шелками и сукнами. Его сыновья Андреас и Якоб начали заниматься делами отца сразу же, как только научились пересчитывать золотые монеты и составлять векселя. От них пошли две семейные ветви, которые отличались друг от друга своими гербами. Андреас (1388–1457) стал главой ветви, называвшейся «Козьи Фуггеры». В 1452 году он получил дворянство и основал процветающие заведения в Антверпене и Венеции. Из двух братьев он, по всей видимости, был самым одаренным и энергичным. К несчастью, его потомство пресеклось в следующем поколении, разорившись на слишком рискованных кредитах.

От младшего брата Якоба происходила ветвь «Фуггеры Лилии», ставшая в некоторой степени для эпохи Возрождения тем, чем были Ротшильды для XIX века.

Гербы

У «Козьих Фуггеров» – золотая лань на лазурном поле. У «Фуггеров Лилии» – две золотые лилии тоже на лазурном поле.

Якоб I основывает империю

Первым из великих Фуггеров был Якоб I, который основал в Аугсбурге свои ткацкие мастерские и кроме того занялся разработкой богатейших месторождений в Тироле. Из семи его сыновей трое активно увеличивали семейное богатство: Ульрих (1441–1510), занимавшийся торговлей; Георг (1453–1506), чьи сыновья Раймунд и Антон стали продолжателями рода, и особенно Якоб II (1456–1525), по прозвищу Богач, благодаря которому семейство Фуггеров получило международное признание и добилось политической власти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.